

Из Иоакимовской летописи Екатериной II почерпнуты сведения и о потомках Гостомысла: «... имел четыре сына и три дочери. Сынове его сообщены некоторые подробности о кончине Гостомысла и о созыве им сына, а дочери выданы быша соседним князем в жены».¹⁷ В этой летописи сообщены некоторые подробности о кончине Гостомысла и о созыве им старейшин «земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и драгович... и посла избраннейшия в варяги просити князя».¹⁸

Из Иоакимовской летописи попали и в «Записки касательно российской истории», и в «исторические представления» из жизни Рюрика и Олега имена матери Рюрика — королевы Умилы и его жены — Ефанды, дочери князя урманского, сведения о пасынке Оскольде и шурине Олеге.

В драматургических сочинениях Екатерины II смягчены характеристики князей: расправа с восставшими новгородцами и их предводителем Вадимом показана как мирное умиротворение «беспорядков». Вадим остается жить и едет в Киев с пасынком Рюрика Оскольдом. Оскольда также не убивают по приказу Олега (как сообщено в «Повести временных лет»), а устраняют с княжеского престола по наговору киевлян.

Тесная зависимость «исторического представления» из жизни Рюрика от летописи Иоакима, помещенной в «Истории российской», с полным основанием дала возможность историку И. Н. Болтину написать в примечаниях ко второму изданию этой драмы о том, что автор ее (И. Н. Болтин не упоминает имени Екатерины II) передает факты, которые запечатлены в древнерусских исторических сочинениях: «Соображал я читаемое мною с летописями и сочинениями, мне известными, и нашел, что основа сего сочинения не из выдумок или сплетений баснословных составлена, но из бытий истинных и верных, что лица, на сцену выводимые, не суть подставные, но особы действительно некогда существовавшие и по истории нашей известные».¹⁹

И. Н. Болтин признает право писателя на вымысел, сообразующийся с исторической достоверностью. В качестве удачного примера он приводит имена новгородских посадников в «историческом представлении» из жизни Рюрика: «Добрынин, Триан и Рулав — посадники новгородские... сих имен ни в Иоакиме, ни в Несторе нет, но ежели они и вымышленные, то выдуманы прилично, ибо по именам их судить можно, кто из них был Славянин и кто Русс».²⁰

Право на вымысел в литературном произведении было узаконено еще в «Поэтике» Аристотеля, строго отделявшего его от исторического сочинения: «Задача поэта — говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости. Историк и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой — прозой. Ведь сочинения Геродота можно было бы переложить в стихи, и все-таки это была бы такая же история в метрах, как и без метров. Разница в том, что один рассказывает о происшедшем, другой о том, что могло бы произойти».²¹

Этот теоретический вывод по существу оставался основным законом литературного творчества. Его разделяли и западноевропейские авторы

¹⁷ Там же, стр. 110.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил из жизни Рюрика. Вновь изданное с примечаниями ген.-майора И. Болтина. СПб., 1792, стр. I.

²⁰ Там же, стр. IV.

²¹ Аристотель. Поэтика. Перевод, введение и примечания Н. И. Новосадского. «Academia», Л., 1927, стр. 51.